

Maria V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies of the RAS, St Petersburg, Russia

Julia V. Zvereva

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia

Modern Toponymy of the Verkh-Yazva Rural Settlement (Krasnovishersk District, Perm Region)

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 2, pp. 99–120

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021

Language of the article: Russian

Боброва Мария Владимировна

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Зверева Юлия Владимировна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

Современная топонимия Верх-Язьвинского сельского поселения Красновишерского района Пермского края

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 99–120

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
Российской
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021
УДК 811.511.13'282 + 314.148(470.53) +
+ 373.21

М. В. Боброва
Институт лингвистических
исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Ю. В. Зверева
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия

СОВРЕМЕННАЯ ТОПОНИМИЯ ВЕРХ-ЯЗЬВИНСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КРАСНОВИШЕРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Статья посвящена характеристике актуального состояния топонимии на территории проживания одного из малых народов Пермского края — коми-язьвинцев. Используются материалы, полученные в ходе экспедиций, осуществленных в 2017–2018 гг. преподавателями и студентами Пермского государственного национального исследовательского университета в месте компактного, «островного» проживания этого народа — в Верх-Язьвинском сельском поселении Красновишерского района Пермского края. В первой части статьи представлены сведения по этнографии и истории изучения языка и культуры коми-язьвинцев. Определены факторы, способствовавшие формированию уникальной культуры, ее сохранности, формированию этнической идентичности коми-язьвинцев. Заострено внимание на современной ситуации: народность подвержена сильным ассимилятивным процессам, язык и культура стремительно угасают, находясь на грани исчезновения. Поскольку коми-язьвинская ономастика до сих пор глубоко не изучалась, имена собственные нуждаются в фиксации и анализе. Вторая, основная часть статьи посвящена описанию местного топонимикона. Охарактеризованы топонимы следующих разрядов: названия населенных пунктов и их частей, гидронимы (названия частей рек и их частей, названия болот), микротопонимы (наименования полей, лугов, пастбищ; оронимы). Всего

© Боброва М. В., Зверева Ю. В., 2021

рассмотрено около 700 топонимов. Исследование показало, что современная топонимия верховьев реки Язьвы демонстрирует стабильность принципов организации ономастического пространства, вместе с тем наблюдаются подвижки внутри данной структуры в результате значительного влияния русской топонимической системы. Субстратная ономастика, за исключением гидронимов, подвержена активным процессам русификации и вымывания из активного словаря. На формирование местного топонимического пространства воздействуют историко-культурные процессы. Полученные данные вновь свидетельствуют о том, что макротопонимии (главным образом гидронимии) свойственна значительная стабильность в сравнении с более подвижной, более отзывчивой на социальные, культурные и собственно языковые процессы микротопонимией. Требуется скорейшая фиксация активно вымываемых субстратных топонимов с последующим осмыслением полученных данных в русле современных теорий ономатологии.

Ключевые слова: малые народы России, коми-язьвинский язык, Верх-Язьвинское сельское поселение Пермского края, региональная ономастика, топонимия, микротопонимия, активные языковые процессы.

В 2017–2018 гг. преподавателями и студентами Пермского государственного национального исследовательского университета (в том числе авторами статьи), а также научным сотрудником ИЛИ РАН Р. В. Гайдамашко были осуществлены экспедиции в Верх-Язьвинское сельское поселение Красновишерского района Пермского края с целью изучения языковой, главным образом ономастической, ситуации на территории компактного проживания коми-язьвинцев. Материалы экспедиций уже получили освещение в ряде статей [см.: Боброва, 2018; Gaidamashko, 2018; Гайдамашко, Шкуратов, 2019; Зверева, 2019]: освещена уникальность языковой ситуации на обследованных территориях, дана оценка современного состояния коми-язьвинского языка. Настоящая работа продолжает этот ряд публикаций, одной из задач которых мы считаем привлечение внимания общественности к положению исчезающего языка — и в том числе ономастики — одного из малых народов России. Нами рассмотрены наиболее крупные ономастические группы: наименования поселений и их частей, названия водных объектов (рек и их частей, болот), названия небольших географических объектов локального значения (номинации полей, лугов, пастбищ, объектов рельефа).

1. Коми-язьвинцы: некоторые сведения по этнографии и истории изучения

Обследованная территория, безусловно, интересна тем, что является местом компактного, «островного» проживания коми-язьвинцев — одного из коренных народов Пермского края. В терминологии А. С. Герда [2006, 155] это один из микроузлов региона, обладающий своей лингвоэтнокультурной спецификой.

Ныне обособленные, ранее коми-язьвинцы занимали довольно обширные земли: по данным историков, проживали «в низовьях Колвы, Вишеры и по берегам

Камы от впадения в нее р. Пильвы на севере и до р. Яйвы на юге» [Чагин, 2013, 2]; впервые поселения по реке Язьве упомянуты в писцовой книге Ивана Яхонтова 1579 г. Формированию этнической идентичности этого народа, специфичной культуры и длительной ее сохранности в значительной степени способствовали факторы территориальные, экономические и конфессиональные: «удаленность и замкнутость территории проживания, расселение по нескольким компактным очагам, отсутствие развития товарно-денежных отношений, втянутость населения в православие оппозиционно настроенных направлений — официального и старообрядческого» [Чагин, 2012, 13].

Внимание исследователей коми-язьвинцы привлекли в начале XIX в.: о них писал Н. С. Попов в экономико-географическом исследовании Пермской губернии [Попов, 1804, 75]. В 1914 г. история и современное состояние деревень коми-язьвинцев отразились в справочнике И. Я. Кривошекова [1914]. В середине XX в. этнография народа была описана в трудах В. Н. Белицер [см., например: Белицер, 1958]. С 1972 г. культура коми-язьвинцев изучалась экспедициями Московского государственного университета под руководством И. В. Поздеевой, в 1980-х гг. — археографами Уральского государственного университета (г. Свердловск). С именем Г. Н. Чагина (1944–2018), профессора Пермского государственного национального исследовательского университета, связано фактическое «второе рождение» интереса к культуре и языку коми-язьвинцев [более подробно см.: Голева, 2014; Неганов и др., 2014; Чагин, Шестакова, 2008]. В частности во многом благодаря его деятельности с 1995 г. в Паршаковской средней школе учителями и учениками ведется работа по изучению истории, культуры и языка коми-язьвинцев, местными уроженцами публикуются популяризаторские работы [см., например: Собянина, 1997; Старикова, 2008]. Имеется опыт изучения коми-язьвинцев в Институте истории, языка и традиционной культуры коми-пермяцкого народа Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством доцента А. С. Лобановой.

Специальное изучение коми-язьвинского языка продолжается более 100 лет. Интерес к нему возник в конце XIX в.: в 1897 г. А. Генетцем (по результатам первого полевого исследования в верховьях Язьвы) на финском и немецком языках была опубликована первая лингвистическая работа [Genetz, 1897], где коми-язьвинский язык выступил как объект изучения под терминологическим названием *восточно-пермский*. В 1930-х гг. учитель А. К. Мелехин, коми-пермяк по национальности, начал преподавание родного языка местным детям, но учитель погиб во время Великой Отечественной войны на фронте, и дело его не было тогда продолжено. Наиболее подробно этот язык был описан в фундаментальной монографии В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» [Лыткин, 1961]. В последние десятилетия фонетические особенности коми-язьвинского языка изучались Л. Г. Пономаревой [Лобанова, Пономарева, 1997; Пономарева, 2005]. Значительным достижением стали учебные издания: разработки учителя

начальных классов А. Л. Паршаковой «Коми-язьвинский букварь» [Паршакова, 2003] и «Книга для чтения: хрестоматия на коми-язьвинском языке» [Паршакова, 2008]; «Русско-коми-язьвинский словарь», подготовленный А. С. Лобановой и учителем Верх-Язьвинской средней школы К. С. Кичигиной [Лобанова, Кичигина, 2012].

Одним из результатов огромной работы единомышленников стало то, что теперь ряд ученых не считают коми-язьвинцев этнической группой коми-пермяцкого народа, а выделяют их в самостоятельную этническую общность. Правда, бóльшая часть научной общественности не поддержала эту идею: в пермистике в настоящее время принята классификация Р. М. Баталовой, согласно которой язьвинское наречие выделяется в коми-пермяцком языке наряду с северным, южным, верхнекамским [см.: Федосеева, 2015; Баталова, 2002]. Но ср., с другой стороны, показания самих коми-язьвинцев: «Коми-язьвинский и коми-пермяцкий схожи не очень. Я учился на курсах повышения [квалификации] с удмуртами, и они мне сказали: “Так если мы будем на своём говорить, ты не будешь обижаться?” Я говорю: “Нет. Вот я понимаю вас, а коми-пермяков я практики не понимаю”. [– Значит, вы сталкивались с коми-пермяками и не понимали их язык?] Коми-пермяками? Я учился с коми-пермяками. [– То есть отличается язык достаточно сильно?] Да не здорово, но всё равно надо прислушиваться, переводить, может» (записано М. В. Бобровой, Ю. В. Зверевой от Г. Н. Антипина, 1950 г. р., с. Верх-Язьва, 2017). Действительно, есть основания признать за коми-язьвинским наречием статус языка: это позволяют сделать фонетические, грамматические, лексические его особенности¹.

В верховьях Язьвы живут коми-язьвинцы и русские. Количество носителей коми-язьвинского языка и культуры постоянно сокращается, особенно существенно — в последние три десятилетия. Так, по разным сведениям — по данным краеведа И. Я. Кривошекова (1914), переписи населения 1926 г., по подсчетам В. И. Лыткина, сделанным в начале 1950-х гг., — в XX в. общее количество носителей языка было относительно стабильно и составляло около 3–3,5 тыс. человек. По состоянию на 2012 г. Г. Н. Чагин оценивал общее количество выходцев из деревень Верх-Язьвинского куста, включая переселенцев в районный центр Красновишерск, более чем в 4 000 человек. Но при этом справедливо отмечал, что «установить среди них численность людей, знающих коми-язьвинский язык, не представляется возможным» [Чагин, 2013, 9].

В настоящее время положение коми-язьвинского языка в местных условиях фактически маргинально. Об этом свидетельствуют и результаты наших экспедиций в Верх-Язьвинский куст деревень: малочисленны те, кто свободно владеет коми-язьвинским языком, и это главным образом люди преклонного возраста; слабо языком владеет население средних лет; молодежь обычно не владеет языком

¹ Подробнее о статусе коми-язьвинского идиома см. [Гайдамашко, Шкураток, 2019, 577–578].

или владеет им в незначительной степени. Вот характерная оценка сложившейся ситуации информантами:

[– Вы носитель языка?] Г. Н.: Коми-язьвинского. А в школу пошёл — всё. [– В школе вы уже на русском начали говорить?] Г. Н.: Естессно-дь. [– А сейчас вы не говорите на коми-язьвинском?] Г. Н.: Не с кем. [– Родственников говорящих на нем нет?] Г. Н.: Не говорят. Теперь никто не говорит. Когда приезжали сюда работать, конечно, со мной говорили, меня знали. [– Здешние жители сейчас на русском говорят или кто-то знает коми-язьвинский?] Г. Н.: Знает. А зачем? Это же мёртвый язык, можно сказать. Г. П.: Конечно, мёртвый. Г. Н.: В школе пытаются изучать, но зачем? Г. П.: Вот и сейчас ещё, вот, как бы возрождается. Нет институтов, поэтому и... зато нет никаких заведений более, куда выше пойти. Куда он, этот язык? Зачем? Кому он? <...> Зачем, если не говорят на этом языке? (записано М. В. Бобровой, Ю. В. Зверевой от Г. Н. Антипина, 1950 г. р., и Г. П. Антипиной, 1952 г. р., с. Верх-Язьва, 2017).

Неслучайно исследователи с начала XX в. говорят о существенном, а с 1980-х гг. и о полном обрусении коми-язьвинцев, об утрате многих элементов традиционной культуры, а в последние годы — о том, что имеет место процесс вторичного, во многом искусственного формирования у коми-язьвинцев этнической идентичности. Однако и теперь есть более 2 000 носителей данного языка и культуры, из которых не менее 400 — активные носители. Поэтому, с одной стороны, в наши дни пока нельзя говорить о полном исчезновении коми-язьвинского народа, с другой — «без преувеличения можно заключить, что с точки зрения жизнеспособности по шкале ЮНЕСКО <...> коми-язьвинский язык относится к языкам, находящимся на грани исчезновения» [Гайдамашко, Шкураток, 2019, 586], язык и культура стремительно угасают².

В сложившейся ситуации следует говорить о настоящей необходимости собирать и изучать уникальный местный языковой материал, в первую очередь неофициальные, не имеющие документальной фиксации имена собственные. Такой опыт уже есть. В 1981–1982 гг. в Антипинском, Бычинском и Верх-Язьвинском сельсоветах работала Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета; результатом обследования послужила, в частности, статья Л. С. Смолиной, посвященная этимологии зафиксированных здесь гидронимов [Смолина, 1984]. Вопрос об этимологии коми-язьвинских наименований водных объектов рассматривал также А. Г. Мусанов [2008]. В 1980–1990-х гг. Е. М. Сморгуновой проводились исследования на стыке этнографии и лингвистики, их результаты отражены в статьях [Сморгунова, 1992; 1995]. Реестр местной ономастики (комонимии, виконимии, гидронимии, оронимии), которая собиралась в этнографических экспедициях в 1965–2003 гг., представлен с географической привязкой в составе приложения «Материалы к словарю географических названий

²Ср., в частности, факт исчезновения многих коми-язьвинских названий деревьев, зафиксированных А. Генетцем за 70 лет до экспедиций В. И. Лыткина.

Северного Прикамья» к работе Г. Н. Чагина «Пермь Великая в топонимических доказательствах» [Чагин, 2004, 92–96]. Некоторые особенности части этих названий, представленных с переводом на русский язык, были описаны Г. Н. Чагиным позднее — в работе [Чагин, 2012]. Помимо этого, историческая местная топонимия изучалась Г. Н. Чагиным в аспекте формирования этнической идентичности коми-язьвинцев [Чагин, 2013]. Ср. также ономастические извлечения из печатных источников XIX — начала XX в. в [Гайдамашко, 2019]. Наименования частей населенных пунктов Верх-Язьвинского сельского поселения Пермского края изучала М. В. Боброва [2018]. К микротопонимии верховьев Язьвы обращалась Ю. В. Зверева [2019].

Сведения об ономастике Верх-Язьвинского сельского поселения фрагментарно представлены также в этнографических работах, в которых встречаются ойконимы, наиболее значимые гидронимы, отдельные оронимы (например, названия скал). Некоторые онимы коми-язьвинского происхождения сопровождаются переводом.

Наиболее полный список научной и научно-популярной литературы, касающейся культуры и языка коми-язьвинцев, содержится в [Чагин, 1997]; более поздние списки см. также в [Гайдамашко, Шкуратов, 2019, 586–587; и др.]³.

2. Топонимия Верх-Язьвинского сельского поселения Красновишерского района Пермского края

2.1. Наименования населенных пунктов

В. И. Лыткин предположил, что «основатели первых починков на р. Язьве были поселенцами с территории Перми Великой» (с центром в Чердыни). Существовало несколько центров, примерно совпадающих с некоторыми сельсоветами и населенными пунктами, но основными следует считать три из них: район д. Нижняя Бычина, с. Верх-Язьва и дд. Паршакова и Антипина [Лыткин, 1961, 17–21].

В исследовании В. И. Лыткина представлен список населенных пунктов Верхнеязьвинского куста Красновишерского района по состоянию на 1950 г., включающий 67 наименований 54 поселений. В настоящее время сохранилось 20 населенных пунктов, шесть из которых находятся на грани исчезновения (с количеством жителей от одного до шести человек)⁴. В живой речи зафиксировано 49 ойконимов, в том числе названия уже исчезнувших поселений. Данные 1950 г. и 2017–2018 гг. совпадают лишь частично: 1) некоторые поселения уже

³ По подсчетам Г. Н. Чагина [2002, 4], к 2002 г. было опубликовано не менее 120 работ, посвященных коми-язьвинцам. Очевидно, что к настоящему моменту количество публикаций еще возросло.

⁴ С 2017 г. исчез один населенный пункт.

исчезли и не упоминаются местными жителями, топографическими картами не отражаются (*Добровка, Кислова, Осинина, Соломатова, Чурилки* и др.) — это онимы-историзмы; 2) отдельные онимы устарели и забыты даже старожилами, но до сих пор употребляются «дублетные» названия деревень (*Гришакова*, ныне *Гришина*; *Курыцы*, ныне *Паршакова*) — это онимы-архаизмы; 3) В. И. Лыткин оперировал официальной ономастикой, в то время как в речи жителей встречаются и местные, неофициальные наименования, например названия мест проживания спецпереселенцев (*Сурдя*: вероятно, из коми-язьв. *сюрди́* ‘спина, позвоночник’ [Лыткин, 1961, 183]⁵ и я < общеперм. ю ‘река’ [КЭСКЯ, 334]) или так называемых командировок — поселений, где временно проживали заключенные исправительных лагерей, работающих на лесозаготовках (*Маг*: из *мэг* ‘извилины реки’ [Лыткин, 1961, 146]), *Мысья* (происхождение затемнено) и др.; ср. также *Карпова* — вероятно, более употребительное название деревни, отмеченной В. И. Лыткиным только как *Панова* (основана в XIX в. выходцами из д. *Макарова*); неофициальное ироничное наименование д. *Гурина* — *Москва* — это онимы ограниченной сферы употребления; 4) в списке В. И. Лыткина не отражены названия некоторых поселений, которые к настоящему времени исчезли, но упоминаются в речи местных жителей, в частности это хутора *Абрамовский* (соединялся через лог с д. *Абрамова*), *Андроповский* (*Антроповский*) и *Нефёдовский* (располагались вблизи д. *Аксёнова*); 5) в списке отсутствует также название д. *Яборова* (по данным 1928 г. — д. *Ябурова*), которая существует до сих пор, и пос. *Северный Колчим*, который возник (точнее, был возрожден) в 1962 г., т. е. позднее 1950 г.

Большинство онимов этого разряда имеет русское происхождение — от календарных личных имен (*Абрамова, Гришина, Пашикова, Сысоева* и др.) или от нарицательных слов, указывающих на топографические признаки близлежащих объектов (*Дубровка, Заполье, Камень* и др.). Кроме того, фиксируются метонимические наименования (*Кульсом* на р. *Кульсом* (вероятно, из причастной формы *кульсѡм* от глагола *кульсьыны* ‘иметь свойство сдираться (шелушиться)’ [КПРС, 1985, 201]), *Талица* на р. *Талица* и под.) и производные от наименований поселений типа выселков (хут. *Абрамовский, Нефёдовский*). По данным середины XX в. и экспедиций 2017–2018 гг., собственно коми-язьвинские ойконимы малочисленны, и их количество уменьшается. Они восходят к географической терминологии либо топонимии (чаще к гидронимам), что, по справедливому заключению В. И. Лыткина, должно свидетельствовать о позднем возникновении большинства поселений и их названий.

⁵Здесь и далее перевод коми-язьвинских слов, основ слов, детерминативов предложен в соответствии со словарными данными в работе В. И. Лыткина [1961], материалами «Коми-пермяцко-русского словаря» Р. М. Баталовой и А. С. Кривошековой-Гантман [КПРС], а также словарей коми языка [КЭСКЯ; ССКЗД]. Происхождение названий с затемненной внутренней формой не указывается, поскольку этимологический аспект должен стать предметом специального изучения.

Интересно именование, в котором транслируется оппозиция «свой — чужой» на конфессиональной основе: в речи информантки, которая придерживается старообрядчества, отмечено неофициальное наименование д. Антипина — *Мир*. Ср. также дромоним *Мірская (Мирскáя) дорога* (проходит по этой деревне), агрооним *Под Мірской Дорогой* (поле у д. Антипина со стороны с. Верх-Язьва).

Изначально влияние русского языка оказалось очень мощным, в советский период национальный язык и культура и вовсе были вытеснены на периферию социальной жизни. В именах собственных просматривается «вторичность», «нежелательность» всего коми-язьвинского в официальной сфере. Неслучайно почти все ойконимы нерусского происхождения использовались только в бытовом общении. При этом русский вариант образовывался по образцу поздних названий и был отыменным (ср. *Көрийел* ‘вершина горы’ [Лыткин, 1961, 132]) — затем *Антипина, Шөрволь* ‘средний вошь — лесной участок с окоренными в комлевой части деревьями’ [Лыткин, 1961, 200] — затем *Нефедова* и т. п.) либо переводным (ср. *Нюр* ‘болото’ — затем *Болото*). Показательно объяснение переименования д. *Суиб (Сюиб / С’үйөб)* в д. *Ванькова* современным исследователем: «Переименование д. Суиб произошло по постановлению Президиума Чердынского райисполкома от 23 октября 1939 г., в котором причина смены названия объяснялась тем, что “название Суибского сельсовета в настоящее время не соответствует современности и по существу оскорбляющее население коми-пермяков, проживающих в этом сельсовете” <...> Старожилы знают, что деревня получила новое название в честь земляка Екима Трофимовича Ванькова, участника войны. Новое название быстро прижилось, поскольку оно было намного легче для произношения, чем *Суиб (Сюиб)*, означающее в коми-язьвинском языке ‘глинистое поле’» [Чагин, 2013, 10–11]. По нашему мнению, ссылки как на «оскорбительность» слова из родного языка местных жителей, так и на сложность произнесения слова, в то время как даже в современной ситуации речь населения верховьев Язьвы сохраняет специфичные для коми-язьвинского языка фонетические черты, не выдерживают критики. Налицо сознательная нивелировка национальных особенностей в целях «профилактики» межнациональных конфликтов в многонациональных регионах.

В ходе экспедиции также выявлены 22 единицы, функционирующие в живой речи местных жителей и называющие части с. Верх-Язьва, д. Антипина и д. Сёмина.

Большинство из них метонимично: названия образованы по наименованиям деревень, ставших частью укрупнившегося поселения. Ср. в с. Верх-Язьва часть *Зарека*, название б. д. *Заречка*, в д. Антипина — *Антипина, Миронова, Нефёдова*, в д. Сёмина (ныне не существует) — *Сёмина, Карпова* (она же *Панова*), *Макарова, Федотова*.

Названия могут образовываться от местных географических терминов, ср. в д. Антипина *Белище* — часть деревни, которая располагается на берегу р. Язьва.

Когда-то здесь отбеливали домотканое полотно, затем это стало местом молодежных гуляний, но до сих пор сохранилось старое его обозначение.

Фиксируются «ориентированные названия» (в терминологии Ю. А. Карпенко [1967, 21]) с приставкой *за-*: *Зáлог*, часть с. Верх-Язьва, расположенная за логом; *Зарекá* (*Зарéчка*), часть с. Верх-Язьва, расположенная за р. Шудья. Позволим себе не согласиться с точкой зрения В. А. Никонова, Ю. А. Карпенко и иных ономастологов, считающих такие наименования исключительно результатом лексикализации предложных конструкций. Пермские данные — многочисленные географические термины и топонимы (ср. *забóка*, *заболóто*, *зáволок*, *загáрь*, *закурья́*, *залóг* и др. [Полякова, 2007], *Загора*, *Залог*, *Заосинник*, *Зарека*, *Зародники*, *Заугор* и др. [СНПУО, 80]) — позволяют утверждать, что это самостоятельная модель образования географических терминов и онимов. Неслучайно в речи жителей с. Верх-Язьва отсутствуют понятия «за рекой» / *За Рекой*, «за речкой» / *За Речкой*, «за логом» / *За Логом*, которые бы функционировали наряду с зафиксированными онимами *Залог*, *Зарека*, *Заречка*.

В речи местных жителей встречаются и прецедентные имена: *Япония* (часть с. Верх-Язьва с густой застройкой и относительно небольшими приусадебными участками), *Шанхай* (часть д. Антипина, преимущественно с социально неблагополучным населением).

Обнаружены соотносительные ряды, именующие центральную и периферийную части: *Село* / *Старое Село* — *Новый Посёлок*. Первые называют основную, в отличие от примкнувших к ней деревень, часть с. Верх-Язьва, последнее — часть села, которая застраивалась позднее остальных. Интерес представляют также своеобразные «топонимические синонимы» — ряды онимов, называющие один и тот же объект, но с разными мотивационными связями: *Горца* / *Новый Посёлок* / *Япония* / *Японцы*; *Село* / *Старое Село*; *Карелы* / *Карелова*.

Абсолютное большинство названий — русского происхождения. Единичные случаи — русифицированные коми-язьвинские лексемы (*Карелова* / *Карелы* из *Корйел*, букв. «вершина горы» [Лыткин, 1961, 132]).

2.2. Гидронимия

2.2.1. Названия рек и их частей

В экспедициях 2017–2018 гг. было зафиксировано 40 названий рек, речек, ручьев и 31 название их частей. 20 названий имеет пермское происхождение (*Бóртом*, *Ви́льва*, *Въям*, *Диня́шер*, *Кóлчим*, *Ку́зьвич*, *Ку́льсим* / *Ку́льсом* / *Кульсúм*, *Ку́шер*, *Маг*, *Мель*, *Мóлмыс*, *О́шмас*, *Пулт*, *Сурдья́*, *Улс*, *Цепё́л*, *Шудья́*, *Язьва́*), они отмечаются и в работах наших предшественников (см. этимологии топонимов в [Лыткин, 1961; Мусанов, 2008; Смолина, 1984]). В 11 случаях гидронимы имеют финно-угорскую основу и русские форманты *-к(а)*, *-их(а)*, *-ск(ая)* (*Карны́шка* / *Корны́шиха*, *Ма́говская речка*, *Мóсина* / *Мóсинская речка*, *Першо́вка*) или же к субстратному гидрониму присоединяется русское определение (*Нижняя Язьва*,

Полудённая Мель, Северная Мель, Полудённый Пулт, Северный Пулт). В сложные наименования входят прилагательные, обозначающие местоположение реки относительно другой: *полудённый* 'южный', *северный*, *нижний*. Такие гидронимы достаточно широко распространены в Пермском крае. Необычным с точки зрения образования является топоним *Кочáнья река*. Скорее всего, добавление географического термина связано с тем, что существует также топоним *Кочáнья (Кочáна) Яма*, который называет углубление в русле реки. Онимы указывают на переосмысление иноязычной лексемы и привязку ее к русской грамматической системе в качестве прилагательного. Вероятно, результатом переоформления является также название *Печáнь*: ср. *Пачча шор* — левый приток р. Язьва, ниже устья р. Мель [Лыткин, 1961, 162]. Наличие русских аффиксов и определений свидетельствует о постепенном «встраивании» пермских топонимов в русскую топонимическую систему.

Остальные названия рек можно отнести к русским: *Большая речка, Васькинская речка, Ветлянка / Веклянка, Выдерга, Засранка, Крисинская речка*. Гидронимы русского происхождения образуются по моделям, характерным для русской гидронимии. Гидронимы имеют русский корень, обозначающий какой-либо признак реки, и русские суффиксы *-к(а)*, *-ск(ая)*; два гидронима образованы от антропонимов и называют небольшие гидрообъекты, протекающие по территории, принадлежащей кому-либо: *Васькинская речка, Крисинская речка < Крисино поле / Крысиноб* (от фамилии *Крисин / Крысин*).

Интересно, что в исследованиях разных лет не упоминается название р. *Засранка*, правого притока р. Язьва. Скорее всего, ранние экспедиции фиксировали другое название, возможно пермского происхождения. Этот гидроним имеет метафорическое происхождение, однако сравнение вызвано не степенью загрязненности воды, а изменениями уровня воды в реке: она исчезает летом. Местные жители объясняют название *Засранка* «вредным поведением» гидрообъекта.

Реку *Выдерга* в разговорной речи называют также коми словом *Вурдшор* (*вурд* 'выдра' + *шор* 'ручей'). Несмотря на созвучие названий, в данном случае нельзя говорить о калькировании, поскольку гидроним *Выдерка* встречается в других районах Пермского края, а также в Новгородской области. Исследователи считают, что название реки связано с термином подсечного земледелия *дор* 'расчищенный под пашню участок леса, где пни от деревьев выдраны с корнями' [Кузнецов, 2001, 67].

Физико-географические характеристики Язьвы (в верхнем течении это быстрая горная река с мелями, перекатами и порогами, в среднем течении есть плесы, в нижней части река становится равнинной, появляются старицы и заливы) обуславливают довольно большое количество (31) зафиксированных названий частей реки. Среди них восемь названий перекатов (*Быки, Кульсимский перекат, Мелевской перекат, Паршаковский перекат, Сельский перекат, Стешовский перекат, Сысоевский перекат, Твердóе*), восемь — островов (*Евлáмовский,*

Ивановский, Кичигинский, Матвеевский, Пáлега / Пáлег, Сельский, Филинский), семь — мест для купания (*Два Камня, Кичигино, Купальня, Лягушатник, На Барáнихе / Подбарáниха, На Трубе*), пять — глубоких мест в реке (*Калистратова Яма, Кочáпа / Кочáпья / Кочáпина / Кочáпинская Яма*), три — других географических объектов (*Курья*, приток р. Язьва; *Присада, Сухой Плёс*, участки берега р. Язьва).

Почти все перечисленные названия являются русскими по происхождению или оформлены русскими суффиксами. Бóльшая часть онимов образована от названий других географических объектов, расположенных рядом: *Кульсимский пережат* < р. *Кульсим*; *Мелевской пережат* < р. *Мель*; *Паршаковский пережат* < д. *Паршакова*; *Стешовский пережат* < б. д. *Стешова*; *Сысоевский пережат* < д. *Сысоева*; *Кичигинский остров, Кичигино* < б. д. *Кичигина*; *Сельский остров, Сельский пережат*: объекты находятся напротив с. Верх-Язьва (напротив наиболее старой его части, именуемой *Село / Старое Село*); *Твердое, пережат* < поле *Твердое*; *Филинский остров* < поле *Филинское*. Скорее всего, оттопонимическими являются онимы коми-язьвинского происхождения *Пáлег* (рядом существовала пожня *Пáлегды*) и *Кочáпа* (поскольку существуют также *Кочапья река* и поле *Кочапья*).

Небольшое количество названий частей реки имеет отантропонимическое происхождение: *Евламовский остров, Ивановский остров, Калистратова Яма, Матвеевский остров*. По форме эти онимы совпадают с теми, которые образованы от топонимов, однако отсутствие рядом географических объектов с одноименными или однокоренными названиями позволяет предположить, что они имеют посессивный или событийный характер. Косвенно это подтверждают и высказывания местных жителей: «Потом Калистратова Яма. А почему? Мужчина жил, Калистрат» (записано М. В. Бобровой, Ю. В. Зверевой от И. М. Паршакова, 1958 г. р., с. Верх-Язьва, 2017).

Часть таких топонимов образована от географических терминов: *Купáльня* < *купальня* ‘место для купания’ (в речи жителей данной территории, термин словарями не зафиксирован), *Курья* < *курья* ‘залив на месте старого русла реки’ [Полякова, 2007, 185], *Лягушатник* < *лягушатник* ‘мелкий участок реки у берега, удобный для купания детей’ [Там же, 207], *Присáда* < *присада* ‘низкий берег, образованный прибитым рекой песком, почвой’ [Там же, 307], *Сухой Плёс* < *плес* ‘участок реки со спокойным течением между перекатами или изгибами русла’ [Там же, 277]. Название *Быки* имеет метафорический характер, сравнение основано на сходстве силы волн и животного; во всяком случае, так объясняют происхождение онима информанты: «Есть такой пережат Быки. [– А почему Быки?] Там сильные волны, даже на лодке было опасно ездить» (записано М. В. Бобровой, Ю. В. Зверевой от И. М. Паршакова, 1958 г. р., с. Верх-Язьва, 2017).

Нерусифицированные номинации коми-язьвинского происхождения единичны: *Пáлега / Пáлег, Кочáпа / Кочáпа Яма*.

2.2.2. Названия болот

В ходе экспедиций было зафиксировано 19 названий болот. 15 из них — простые топонимы, четыре — сложные. Простые названия образованы: 1) от географических терминов в результате онимизации существительных (ср. *Болото*, *Зыбун*); 2) от других топонимов в результате транстопонимизации (*Вьям* < р. *Вьям* — из *вьям* ‘старлица’, ‘речка, пересыхающая летом’ [Смолина, 1984, 123]), *Тундринское* < ур. *Тундринское*); 3) от гидронимов и ойконимов в результате суффиксации (*Болотское* < д. *Болото*, *Бычинское* < д. *Бычина*, *Талицкое* < д. *Талица*); 4) от прилагательных, обозначающих какие-либо физико-географические особенности объекта (*Ближнее*, *Дальнее*, *Лесное*, *Чистое*). Сложные наименования строятся по моделям: 1) «предлог + сущ. в косвенном падеже» (*По Вьяму*); 2) «предлог + прил. + сущ. в косвенном падеже» (*За Чёрным Озером*).

Все названия болот, кроме *Вьям*, являются русскими по происхождению.

3. Микротопонимия Верх-Язьвинского сельского поселения

3.1. Наименования полей, лугов, пастбищ

В Верх-Язьвинском сельском поселении нами выявлено более 370 названий полей и лугов, что составляет около 80 % всех микротопонимов. Для этого вида онимов характерна большая вариативность, один объект может иметь два или больше вариантов названия. Чаще всего варианты отличаются словообразовательной структурой (*Абрамово* / *Абрамовское поле*, ур. *Ванина* / *Ванинская*, ур. *Ивина* / *Ивинское*, поле *Подбараниха* / *Подбараны*, ур. *За Пу́лтом* / *Запу́лт*, ур. *По Вья́му* / *Повья́м*, поле *У Сушилки* / *Сушильное*, *Северуха* / *Северное поле*), фонетическим оформлением (*Низ-Ма́ртиково* / *Низ-Ма́ртихово*, *Тала́волское* / *Тала́вольское поле*, *Рудник* / *Рудник*), синтаксической структурой (ур. *Кирьяновская Лощина* / *Кирьяновское*). Кроме того, в топосистеме сосуществуют коми-язьвинские топонимы и их русские кальки (*Гуртоб* / *Домашнее*, *Кирьяноб* / *Кирьяново поле*, *Зотя Пашня* / *Зотино*). В результате выстраиваются иногда целые подсистемы из вариантных и инвариантных, однокоренных и омонимичных номинаций, ср.: *Крисиноб* (восходит к коми-язьв. *ѳб* ‘поле’), *Крисино поле*, *Крысино поле*, *Крысинское поле*, ур. *Крысин Увал*, *Крысинские поля* (*Большое Крысино* и *Малое Крысино*). В основном названия полей являются русскими по происхождению или же образованы от коми основы с помощью русских словообразовательных средств.

В русской топосистеме этой территории можно выделить следующие структурные типы онимов: 1) простые, которые могут быть безаффиксными или иметь топоформант (*Абрамово*, *Волок*, *Здорное*, *Изголовья*, *Малиновка*, *Сутяга*, *Тундринское*); 2) составные, включающие два или больше компонентов, в их число входят конструкции, образованные по модели «сущ. + прил. (прил. + прил.)» (ур. *Большаковская Степь*, *Большое Крысино*, *Глухая Пашня*, *Гришина Межа*, *Дальние Подчики*, *Домашнее Коноваловское*, *Второе Руфинское Поле*, *Прямая Дорога*),

и предложно-падежные сочетания (*Выше Симоновой, За Гаражом, За Пу́лтом, Над Присадой, Под Мирской Дорогой, У Вышки, Пастбище за Пу́лтом*).

Простые по структуре онимы часто представляют собой субстантивированные прилагательные, обычно в форме ср. р. (поля *Барановское, Белое, Гуринское, Кривое, Твердое, Чурочное*), реже — м. р. и ж. р. (ур. *Попов, Помочевая, Прямая*). Небольшую часть простых топонимов составляют названия, образованные от русских географических терминов (*Волок < волок* 'луг на низком берегу, заливаемом в половодье' [Полякова, 2007, 71], *Кулига < кулига* 'поляна в лесу' [Там же, 180], *Сутяга < сутяга* 'участок вытянутой формы'⁶, *Шутём < шутём* 'заброшенное поле' [Там же, 405]).

В состав онимов-словосочетаний могут входить антропонимы, которые характеризуют принадлежность объекта. Так, многие названия включают притяжательные прилагательные (*Гаршино Поле, Гришина Межа, Сенина Ноговица*). Прилагательные в составе топонимов могут быть также образованы от ойконимов или гидронимов: ур. *Маговские Луга < р. Маговская, Макаровское поле < Макарова* (часть д. Сёмина), *Пу́лтовские поля < р. Пулт, Сёминские поля < д. Сёмина*. В составных наименованиях прилагательные могут также характеризовать объект по какому-либо признаку, чаще всего по величине и местоположению: *Большой Конáшеб, Большое Макаровское, Малый Конáшеб, Малое Макаровское; Ближний Качáпьяб, Дальние Пóдчики, Дальний Киры́яноб*.

Относительно немного (менее 10 %) в наших материалах онимов — предложно-падежных сочетаний: *За Вышкой, За Горой, За Логом, Меж Дорог, Над Присадой, Перед Камнем, По Вяму, У Вышки, У Кедерка, У Сушилки*. Подобные названия часто переходят в однословные в результате сращения либо суффиксации: *Запу́лт, Заузы́шер, Повья́м, Сушильное*.

Собственно коми-язьвинских названий сельскохозяйственных угодий — около 15 %. Достаточно большое число их содержит в своем составе детерминативы *-об/-аб/-яб /-ыб < об* 'поле' (*Вы́роб, Кири́лоб, Ла́дорьяб, Сю́иб*), *-шер/-шор* 'ручей' (*Гарка́шер, Диня́шор, Изья́шер*), *-воль* 'участок в лесу, очищенный от деревьев и предназначенный под пашню' (*Вильво́ль, Ка́рво́ль, Ру́фаво́ль, Сёрдо́вьль*), *-видз (-вич)* 'луг' (*Пáськот Виджъез* 'широкие луга', *Ку́зьвич, Шу́зьявич*), *-дор* 'сторона' (*Во́лладор, Су́дор*) [см.: Лыткин, 1961; КПРС]. Довольно часто в состав коми-язьвинских микропонимов входят русские географические термины: *кулига* (*Демид Кулига, Коськули́га*), *пашня* (*Зотя Пашня, Оля Пашня*), *увал* (*Суй Увал*) и др. В некоторых случаях как основа, так и детерминатив являются

⁶Значение восстанавливается из внутренней формы географического термина, ср. киров. *сутяга* 'участок, полоса в поле' [СРНГ, 42, 325]. «Значение 'полоса в поле' имеет также географический термин *сутяга*, распространенный в топонимии Пермского края: агроонимы *Сутяга, Малая Сутяга*, ойконимы *Большая Сутяга, Малая Сутяга, Сутяга*. В Чердынском районе зафиксировано также однокоренное слово — название поля *Тягу́ня*. Скорее всего, географические термины *сутяга* и *тягу́ня* образованы от корня *тяг-* глагола *тягать* 'тянуть'» [Зверева, 2017, 102].

заимствованиями из русского языка, однако с точки зрения грамматики это коми-язьвинские топонимы, поскольку первое слово-антропоним не имеет суффиксов принадлежности, в отличие от собственно русских лексем.

В названиях полей могут встречаться христианские имена: *Кирилл*, *Кирьян*, *Макар*, *Сергей* (*Кири́лоб*, *Кирьяно́б*, *Мака́роб*, *Се́ргиоб*), русские фамилии: *Крысин*, *Фомин* (поля *Кры́синоб*, *Фомі́ноб*) и прозвища — *Долган* (поле *Долга́ноб*).

Отмечены в современной коми-язьвинской топонимии также двух- и трехкомпонентные названия, указывающие на местоположение поля и его форму: *Ассаволадор* ‘восточная сторона’, *Лунволадор* ‘южная сторона’, *Ротволадор* ‘вечерняя западная сторона’, *Юйволадор* ‘северная сторона’, *Квим сэ́рэг ко́кул* ‘подножие трех углов’ [см.: Лыткин, 1961] и др.

Интересны названия, имеющие метафорическое значение: *Курогко́к* (*курог* ‘курица’ + *кок* ‘нога’ [Лыткин, 1961, 136, 127]), *Кайбы́ж* (*кай* ‘птица’ + *бўж* ‘хвост’ [Там же, 123, 92]). Местные жители обычно объясняют происхождение подобных названий формой географического объекта: «Кайбыж — такое поле было, ну натурально птичий хвост. Поле это заканчивается вот так: перелесок, поле довольно длинное» (записано М. В. Бобровой, Ю. В. Зверевой от И. М. Паршакова, 1958 г. р., с. Верх-Язьва, 2017).

Метафорические апеллятивы в составе топонимов постепенно теряют свою образность и превращаются в географические термины. Об этом свидетельствуют такие микротопонимы, как *Мёкин Кок* (предположительно из прозвища), *Тёминчи Кок* (восходит к личному имени *Тима* < *Тимофей*), которые включают имена собственные и лексему *кок* ‘нога, лапа’.

Отдельные коми-язьвинские топонимы постепенно выходят из употребления. Нередко это следствие укрупнения сельскохозяйственных земель в колхозах. Названия небольших участков выходили из употребления и забывались либо сменялись другими в результате русификации топонимической системы. Так, жители отмечают, что поля, которые носили названия *Курогкок* и *Кайбыж*, были объединены в один большой участок *Ларинское*: «Курогкок тоже имеет форму как раз вот куриной лапки, вообще щас вот эти поля — Ларинское. Ларинское — большое поле, вот и участки. Да, эти Курогкок, Кайбыж. Сто сорок гектар где-то» (записано М. В. Бобровой, Ю. В. Зверевой от И. М. Паршакова, 1958 г. р., с. Верх-Язьва, 2017). Ср. также трансформации: *Зотя Пашня* > *Зотино*, *Оля Пашня* > *Олина Пашня*, **нёрис* / *нэрис* ‘бугор, возвышение между двумя лощинами’ [Лыткин, 1961, 151] > *Нэрос* (так зафиксировано на карте 1979 г. агрономом, карандашная помета) / *Нёрос* (так зафиксировано в 2017 г. в речи Е. М. Кичигиной, проживающей в с. Верх-Язьва, но переехавшей из б. д. Ветлянка, рядом с которой находится урочище) / *Нора* (так напечатано на карте 1978 г., вероятно, ошибочно).

Таким образом, микротопонимия Верх-Язьвинского поселения испытывает большое влияние русской топонимической системы, о чем свидетельствует включение

русских слов в топонимы (*Костыльог, Коськулига*), сосуществование русских и коми-язьвинских вариантов названий с постепенным вымыванием последних из актуальной номенклатуры и далее из речи в бытовом общении (*Кирьяноб* и *Кирьяново поле, Гуртоб* и *Домашнее*), образование от коми-язьвинских наименований русских топонимов (*Заизьяшер, Повьям, Кéрасово поле, Межовый Жукшер*).

3.2. Оронимы

В юго-западной части Красновишерского района, где находится Верх-Язьвинское сельское поселение, преобладают невысокие полого-холмистые гряды. Наименований положительных объектов рельефа относительно немного, чаще всего они омонимичны названиям полей, которые располагаются на возвышенностях. Так, *Занáика* — это гора и поле; *Комбинат* — поле и возвышенность. В некоторых случаях на то, что сельскохозяйственный объект находится на высоком месте, указывают географические термины, содержащиеся в структуре онима: *верхотина* ‘самая высокая часть местности’ (*Верхотина*), *гора* (*Кичигинская гора*), *коврига* ‘круглая горка’ (*Гам-Коврига*), *мыс* ‘гора с крутыми склонами, возвышающаяся на ровном месте’ (*Гришинский Мыс, Средний Мыс, Мысьел* < *мыс йөл* — из *мыс* ‘возвышенность’ [КПРС, 261] + *йөл* ‘вершина горы’ [Лыткин, 1961, 121]), *увал* ‘вытянутая, длинная гора’ (*Рас-Увал* < *рас* ‘роща’, *Восточный Увал, Крысин Увал, Рудничный Увал, Суй Увал* < *суй* ‘глина, глинистый’ [Там же, 184]). В составе оронимов коми-язьвинского происхождения также выделяются географические термины рельефа: так, онимы *Чурóк / Чурóчное* и *Нéрос* называют возвышенности и поля на них, а происходят от апеллятивов *чурк* ‘лесистый бугор, выделяющееся возвышение’ [Там же, 197] и *нóрис / нэрис* ‘бугор, возвышение между двумя лощинами’ [Там же, 151]⁷.

Зафиксированы также названия отрицательных объектов рельефа. Обычно они содержат в своем составе орографический термин *лог*: ур. *Ванин Лог, Гаркáшер Лог* (*Гаркáшерский Лог*), *Ивачин Лог, Ильясин Лог, Изьяшер Лог* (*Изьяшерский Лог*), *Марков Лог, Мóсинский Лог, Трифон Лог*. Реже используется географический термин *яма* (ур. *Гúтка Яма / Гúткова Яма, поле Чёртова Яма*). Некоторые названия имеют словообразовательные варианты: один образуется по коми-язьвинской модели, без добавления русских суффиксов (*Гаркашер Лог, Изьяшер Лог*), а другой — по русской топонимической модели: *Гаркашерский Лог, Изьяшерский Лог*.

⁷ Ср. также *чурк* ‘резко возвышающееся место, бугор’ [ССКЗД, 421], *нерос* (*нóрòс, нóрыс*) ‘небольшая возвышенность, холмик; бугор, пригорок; грива’ [КПРС, 278; ССКЗД, 246].

Выводы

Современная топонимия верховьев р. Язьва демонстрирует стабильность принципов организации ономастического пространства, в котором можно выделить несколько пластов. Пласт собственно коми-язьвинских онимов, главным образом древних по происхождению, может рассматриваться как субстратный по отношению к более поздним русским единицам. Пласт русских наименований является адстратным по отношению к ономастике коренного коми-язьвинского народа. Происходит частичное наложение этих пластов при образовании калькированных вариантов названий (*Кирьяноб* и *Кирьяново поле*, ур. *Гуртоб* и *Домашнее*). Присутствует также пласт гибридных наименований, образованных по коми-язьвинским моделям с использованием русских лексем (*Костыльог*, *Коськулига*) либо с привлечением коми-язьвинской лексики на базе русских словообразовательных и синтаксических моделей (*Тасай* — *Натасай*, *Руфаволь* — *Руфинское*, *Конашеб* — *Большой Конашеб*).

Наблюдаются подвижки внутри данной структуры в результате значительного влияния русской топонимии. Субстратная топонимия, за исключением гидронимов, подвержена активным процессам русификации и вымывания из активного топонимикона.

На современное состояние местной коми-язьвинской ономастики значительное влияние оказывают социальные и экономические факторы. С одной стороны, жизнь в сельской местности не столь динамична, как в городах, вследствие чего ономастическое пространство в пределах поселений оказывается более стабильным. С другой — разрушение сельского хозяйства и традиционного уклада жизни местного населения в немалой степени послужило вымыванию субстратной ономастики. Отсюда значительная устойчивость и разнообразие названий частей населенных пунктов, предпочтительность исторически сложившейся «внутрипоселенческой» ономастики — и утрата большого количества микропонимов, называвших пахотные, сенокосные и прочие уголья, особенно мелкие, подвергавшиеся обработке единоличными хозяевами. Тенденция к утрате онимов коми-язьвинского происхождения вызвана также принудительной русификацией местного населения, имевшей место в советское время. Утрата молодым поколением языковых и культурных традиций привела к превращению онимов в «пустые знаки», а в итоге часть коми-язьвинской лексики (в том числе имен собственных) утрачена, часть пережила трансформационные процессы, вплоть до искажения формы и стирания этимологических связей, ср.: ур. *Весёлый Чурок*, д. *Болото* < *Нюр* (коми-язьвинское название более не употребительно), часть д. Антипина *Карелы* / *Карелова* < *Көрйел*, букв. «Вершина горы» (трансформация на основе народной этимологии).

Сделанные наблюдения еще раз подтверждают выводы о том, что макротопонимии (главным образом гидронимии) свойственна значительная стабильность

в сравнении с более подвижной, более отзывчивой на социальные, культурные и собственно языковые процессы микротопонимией.

Требуется скорейшая фиксация активно вымываемых субстратных онимов с последующим осмыслением полученных данных в русле современных теорий ономатологии.

Источники

- Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми: XIX — начало XX века. М. : [б. и.], 1958.
- КПРС — *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М. : Русский язык, 1985.
- Кривошеков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь : Труд, 1914.
- Кузнецов А. В.* Русские названия рек, ручьев и озер Тотемского района (Топонимический словарь) // Тотьма : краевед. альманах / гл. ред. А. В. Камкин. Вып. 3. Вологда : Легия, 2001. С. 57–124.
- Лобанова А. С., Кичигина К. С.* Русско-коми-язьвинский словарь. Пермь : ПГПУ, 2012.
- Паршакова А. Л.* Коми-язьвинский букварь. Пермь : Перм. кн. изд-во, 2003.
- Паршакова А. Л.* Лөддьотан книга = Книга для чтения : хрестоматия на коми-язьвинском языке. Пермь : ПГПУ, 2008.
- Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2007.
- Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии : в 2 ч. Пермь : Перм. Губ. правление, 1804.
- СНПУО — Список населенных пунктов Уральской области. Т. 1 : Верхкамский округ. Свердловск : Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССКЗД — *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961.

Исследования

- Баталова Р. М.* О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика. Вып. 9 : Вопросы пермской и финно-угорской филологии : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Тараканов. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2002. С. 131–139.
- Боброва М. В.* Наименования частей населенных пунктов Верх-Язьвинского сельского поселения Пермского края // Вопросы географии. 2018. Вып. 146. С. 154–159.
- Гайдамашко Р. В.* Коми-язьвинская ономастика (бассейн Вишеры, левого притока Камы) в трудах конца XIX — начала XX веков // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (17–20 сентября 2019 г.) / ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 132–137.
- Гайдамашко Р. В., Шкуратов Ю. А.* Современное состояние коми-язьвинского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 4. С. 576–590.
- Герд А. С.* Топонимические экспедиции Санкт-Петербургского университета // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 155–157.
- Голева Т. Г.* Коми-язьвинцы // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие : словарь-справочник / отв. ред. С. В. Неганов, А. В. Черных, М. С. Каменских, А. А. Субботина. СПб. : Маматов, 2014. С. 236–241.
- Зверева Ю. В.* Отражение хозяйственной деятельности жителей Пермского края в географических названиях // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : сб. тр.

- Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Пермь, 2 ноября 2017 г.). Пермь : Перм. воен. ин-т войск нац. гвардии, 2017. С. 99–106.
- Зверева Ю. В.* Микропонимы пермского происхождения на территории Красновишерского и Юрлинского районов Пермского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 133–136. <https://doi.org/10.31168/7996-2700-3.48>
- Карпенко Ю. А.* Свойства и источники микропонимии // Микропонимия: материалы совещания / отв. ред. О. С. Ахманова. М. : Изд-во МГУ, 1967. С. 15–22.
- КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.
- Лобанова А. С., Пономарева Л. Г.* О некоторых особенностях языка коми-язьвинцев в сравнении с родственными диалектами коми-пермяцкого языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития : материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 г.) / ред. Л. В. Волкова, Н. Н. Гущина, Б. И. Каракулов. Глазов : [б. и.], 1997. Ч. 1. С. 38–41.
- Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.
- Мусанов А. Г.* Гидронимия Средней Язвы // *Onomastica Uralica*. 2008. No. 7. P. 37–50.
- Неганов С. В., Субботина А. А., Каменских М. С.* Об опыте Пермского края в реализации государственной национальной политики в 1993–2014 годах // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие : словарь-справочник / отв. ред. С. В. Неганов, А. В. Черных, М. С. Каменских, А. А. Субботина. СПб. : Маматов, 2014. С. 7–38.
- Пономарева Л. Г.* О некоторых особенностях в области консонантизма языка язьвинских коми // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 1 / отв. ред. А. С. Лобанова. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2005. С. 45–62.
- Солина Л. С.* К этимологическому изучению коми-язьвинских субстратных топонимов // Этимологические исследования. Вып. 3 / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 119–124.
- Сморгунова Е. М.* Старообрядцы Верхней Язвы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки / отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск : Наука, 1992. С. 157–162.
- Сморгунова Е. М.* Языковые проблемы язьвинских пермяков-староверов и методика картографирования диалектных данных // Коми-пермяки и финно-угорский мир / отв. ред. А. Д. Напалков. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 456–458.
- Собянина Л. Н.* Коми-язьвинские пермяки: вчера, сегодня, а завтра? // Национальная культура и языки народов Прикамья: Возрождение и развитие / ред. А. Г. Антипов, Т. И. Ерофеева, Г. В. Пугина. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1997. Ч. 3. С. 66–69.
- Старикова А. Ф.* Культура питания язьвинских пермяков. Пермь : ОТ и ДО, 2008.
- Федосеева Е. Н.* Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015.
- Чагин Г. Н.* На земле-то было той, да на язьвинской... Пермь : [б. и.], 1997.
- Чагин Г. Н.* Коми-язьвинские пермяки — древний народ Северного Урала. Красновишерск ; Соликамск : Соликам. тип., 2002.
- Чагин Г. Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004.
- Чагин Г. Н.* Билингвизм коми-язьвинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язвы // Проблемы социо- и психолнгвистики. 2012. № 16. С. 13–24.
- Чагин Г. Н.* Роль ономастики в формировании идентичности коми-язьвинцев // Генеалогия и поиск идентичности в истории Урала / ред. Е. Н. Ефремова, Э. А. Калистратова. Екатеринбург : Б-ка им. В. Г. Белинского, 2013. URL: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/171> (дата обращения: 27.07.2020).
- Чагин Г. Н., Шестакова Е. Н.* Современная социокультурная среда коми-язьвинцев // Вестник Пермского университета. История. 2008. Вып. 7 (23). С. 103–114.

- Gaidamashko R.* The Komi-Yazva idiom: some preliminary observations on sociolinguistic situation in 2018 // *Uralo-indogermanica* — III : abstracts / ed. by S. T. Tóth. Narva : Univ. of Tartu, 2018. P. 33–34.
- Genetz A.* Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors : Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1897.

Рукопись поступила в редакцию 16.09.2020

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

киров.	кировский
коми-язьв.	коми-язьвинский
общеперм.	общепермский

* * *

Боброва Мария Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
диалектной лексикографии
и лингвогеографии русского языка
Институт лингвистических исследований
РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Bobrova, Maria Vladimirovna

PhD, Associate Professor, Senior Research
Fellow
Department of Dialect Lexicography and
Linguistic Geography of the Russian Language
Institute for Linguistic Studies of the RAS
9, Tuchkov Ln., 199053 St Petersburg, Russia
Email: bomaripgu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

Зверева Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и технологии обучения
и воспитания младших школьников
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: zv.ul@mail.ru

Zvereva, Julia Vladimirovna

PhD, Associate Professor,
Department of Theory and Methods
of Teaching and Training Junior Schoolchildren
Perm State Humanitarian-Pedagogical
University
24, Sibirskaya St., 614990 Perm, Russia
Email: zv.ul@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

Maria V. BobrovaInstitute for Linguistic Studies of the RAS
St Petersburg, Russia**Julia V. Zvereva**Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Perm, Russia**MODERN TOPONYMY OF THE VERKH-YAZVA RURAL SETTLEMENT
(KRASNOVISHERSK DISTRICT, PERM REGION)**

The paper observes the current state of onomastics on the territorial residence of Komi-Yazvians, one of the disappearing small peoples of the Perm region. The authors intended to determine the degree of preservation of substrate proper names. The materials for this study were obtained during field expeditions of 2017–2018, undertaken to by teachers and students of the Perm State University to collect unique onomastic material in a small “pocket” of this people’s domicile — in the upper reaches of the Yazva (Verkh-Yazva rural settlement) in the Krasnovishersk district (Perm region). The first part of the article contains basic information on the ethnography and history of studying the language and culture of the Komi-Yazvian people. The factors that contributed to the formation of a unique culture, its preservation, and the formation of the ethnic identity of the Komi-Yazvian people are identified. The focus is on the current situation: the people are subject to strong assimilation processes, language and culture are rapidly fading and are on the verge of extinction. The authors emphasize that the Komi-Yazva onomastics have not received an in-depth study, and proper names still need to be collected and analyzed. The present study deals mainly with the toponymic part, describing the following classes of names: names of settlements of the Verkh-Yazva rural area, names of water bodies, mainly rivers, names of fields, meadows, pastures, and other microtoponymic objects. In total, this makes about 700 studied items. The following conclusions are made: 1) modern toponymy of the upper reaches of the Yazva river is a single and consistent onomastic space, 2) however, it also showcases structural changes due to a significant influence of the Russian toposystem; substrate onomastics, with the exception of hydronyms, is subject to active Russification and washing out of the active vocabulary, 3) the formation of the local toponymic space is influenced by historical and cultural processes, 4) the studied data indicate that macrotoponymy (mainly hydronymy) is more stable compared to the microtoponymy, which is more agile, more responsive to social, cultural, and linguistic processes, 5) it is necessary to immediately record the disappearing substrate names to subsequently consider the obtained data in line with modern theories of onomatology.

Key words: small peoples of Russia, Permic languages, Komi-Yazva language, Verkh-Yazva rural settlement (Perm region), regional onomastics, toponymy, microtoponymy, active language processes.

Batalova, R. M. (2002). O meste yazyka komi-yaz’vintsev v strukture permskikh iazykov [On the Place of the Komi-Yazvian Language in the Structure of the Permic Languages]. In I. V. Tarakanov (Ed.), *Permistika* [Permic Studies] (Iss. 9, pp. 131–139). Izhevsk: Udmurtskii universitet.

- Bobrova, M. V. (2018). Naimenovaniia chastei naselennykh punktov Verkh-Yaz'vinskogo sel'skogo poseleniia Permskogo kraia [Names of Parts of Settlements of the Verkh-Yazvinsky Rural Settlement of the Perm Region]. *Voprosy geografii*, 146, 154–159.
- Chagin, G. N. (1997). *Na zemle-to bylo toi, da na yaz'vinskoi...* [This is How it Was on the Yazvian Land] Perm: [s. n.].
- Chagin, G. N. (2002). *Komi-yaz'vinskie permiaki — drevnii narod Severnogo Urala* [The Komi-Yazvian Permians are Ancient People of the Northern Urals]. Krasnovishersk; Solikamsk: Solikamsk. tip.
- Chagin, G. N. (2004). *Perm' Velikaia v toponimicheskikh dokazatel'stvakh* [Perm the Great in Toponymic Evidence]. Perm: Perm University Press.
- Chagin, G. N. (2012). Bilingvizm komi-yaz'vintsev i ego otrazhenie v toponimii basseina reki Yaz'va [Bilingualism of the Yazvian Komi and its Reflection in the Toponymy of the Yazva River Basin]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki*, 16, 13–24.
- Chagin, G. N. (2013). Rol' onomastiki v formirovanii identichnosti komi-yaz'vintsev [The Role of Onomastics in the Formation of the Identity of the Yazvian Komi]. In E. N. Efreмова, & E. A. Kalistratova (Eds.), *Genealogiia i poisk identichnosti v istorii Urala* [Genealogy and Search for Identity in the History of the Urals]. Ekaterinburg: Biblioteka im. V.G. Belinskogo. Retrieved from <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/171>
- Chagin, G. N., & Shestakova, E. N. (2008). Sovremennaia sotsiokul'turnaia sreda komi-yaz'vintsev [The Modern Socio-Cultural Environment of the Komi-Yazvians]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 7(23), 103–114.
- Fedoseeva, E. N. (2015). *Leksika severnogo narechiia komi-permiatskogo yazyka* [Vocabulary of the Northern Dialect of the Komi-Permian Language]. Syktyvkar: IlaLI Komi NTs UrO RAN.
- Gaydamashko, R. (2018). The Komi-Yazva Idiom: Some Preliminary Observations on Sociolinguistic Situation in 2018. In S. T. Tóth (Ed.), *Uralo-indogermanica — III: Abstracts* (pp. 33–34). Narva: University of Tartu.
- Gaydamashko, R. V. (2019). Komi-yaz'vinskaia onomastika (bassein Vishery, levogo pritoka Kamy) v trudakh kontsa XIX — nachala XX vekov [Komi-Yazvian Onomastics (the Vishera Basin, Left Tributary of the Kama) in the Works of the Late 19th — Early 20th Centuries]. In V. L. Vasilyev (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 17th International Conference] (pp. 132–137). Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.
- Gaydamashko, R. V., & Shkuratok, Yu. A. (2019). Sovremennoe sostoianie komi-yaz'vinskogo yazyka [The Current State of the Komi-Yazvian Language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani*, 13(4), 576–590.
- Genetz, A. (1897). *Ost-permische Sprachstudien*. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft.
- Gerd, A. S. (2006). Toponimicheskie ekspeditsii Sankt-Peterburgskogo universiteta [Toponymic Expeditions of St Petersburg University]. *Voprosy onomastiki*, 3, 155–157.
- Goleva, T. G. (2014). Komi-yaz'vintsy [Komi-Yazvians]. In S. V. Neganov, A. V. Chernykh, M. S. Kamenskikh, & A. A. Subbotina (Eds.), *Narody Permskogo kraia: etnicheskaiia istoriia i sovremennoe etnokul'turnoe razvitie: slovar'-spravochnik* [Peoples of the Perm Region: Ethnic History and Contemporary Ethnocultural Development: Dictionary] (pp. 236–241). St Petersburg: Mamatov.
- Karpenko, Yu. A. (1967). Svoistva i istochniki mikrotoponimii [Features and Sources of Microtoponymy]. In O. S. Akhmanova (Ed.), *Mikrotoponimiia: materialy soveshchaniia* [Microtoponymy: Proceedings of a Conference] (pp. 15–22). Moscow: MGU Press.
- Lobanova, A. S., & Ponomareva, L. G. (1997). O nekotorykh osobennostiakh yazyka komi-yaz'vintsev v sravnenii s rodstvennymi dialektami komi-permiatskogo yazyka [On Some Features of the Komi-Yazvian Language in Comparison with Related Dialects of the Komi-Permian Language]. In L. V. Volkova, N. N. Gushchina, & B. I. Karakulov (Eds.), *Dukhovnaia kul'tura finno-ugorskikh narodov: Istorii i problemy razvitiia: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Spiritual Culture of the Finno-Ugric Peoples: History and Development Problems: Proceedings of the International Conference] (Iss. 1, pp. 38–41). Glazov: [s. n.].

- Lytkin, V. I. (1961). *Komi-yaz'vinskii dialect* [Komi-Yazvian Dialect]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Press.
- Lytkin, V. I., & Gulyaev, E. I. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [Brief Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Musanov, A. G. (2008). Gidronimiia Srednei Yaz'vy [Hydronymy of the Middle Yazva]. *Onomastica Uralica*, 7, 37–50.
- Neganov, S. V., Subbotina, A. A., & Kamenskikh, M. S. (2014). Ob opyte Permskogo kraia v realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki v 1993–2014 godakh [On the Experience of the Perm Region in the Implementation of the State National Policy in 1993–2014.]. In S. V. Neganov, A. V. Chernykh, M. S. Kamenskikh, & A. A. Subbotina (Eds.), *Narody Permskogo kraia: etnicheskaia istoriia i sovremennoe etnokul'turnoe razvitie: slovar'-spravochnik* [Peoples of the Perm Territory: Ethnic History and Contemporary Ethnocultural Development: Dictionary] (pp. 7–38). St Petersburg: Mamatov.
- Ponomareva, L. G. (2005). O nekotorykh osobennostiakh v oblasti konsonantizma iazyka yaz'vinskikh komi [On Some Features of Consonantism in the Yazvian Komi Language]. In A. S. Lobanova (Ed.), *Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoi kul'tury komi-permiatskogo naroda* [Proceedings of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Permian Komi People] (Iss. 1, pp. 45–62). Perm: Perm State Pedagogical University.
- Smolina, L. S. (1984). K etimologicheskomu izucheniiu komi-yaz'vinskikh substratnykh toponimov [On the Etymological Study of the Komi-Yazvian Substrate Toponyms]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Studies] (Iss. 3, pp. 119–124). Sverdlovsk: Ural University Press.
- Smorgunova, E. M. (1992). Staroobriadsy Verkhnei Yaz'vy: osobaia iazykovaia situatsiia [Old Believers of the Upper Yazva: A Particular Linguistic Situation]. In N. N. Pokrovsky, & R. Morris (Eds.), *Traditsionnaia dukhovnaia i material'naia kul'tura russkikh staroobriadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believer Settlements in Europe, Asia and America] (pp. 157–162). Novosibirsk: Nauka.
- Smorgunova, E. M. (1995). Iazykovye problemy yaz'vinskikh permiakov-staroverov i metoda kartografirovaniia dialektnykh dannyykh [Language Problems of the Yazvian Perm Old Believers and the Method of Mapping Dialect Data]. In A. D. Napalkov (Ed.), *Komi-permiaki i finno-ugorskii mir* [The Komi-Perm and the Finno-Ugric World] (pp. 456–458). Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN.
- Sobyagina, L. N. (1997). Komi-yaz'vinskii permiaki: vchera, segodnia, a zavtra? [Komi-Yazvian Permians: Yesterday, Today, and Tomorrow?]. In A. G. Antip'yev, T. I. Erofeeva, & G. V. Pugina (Eds.), *Natsional'naia kul'tura i iazyki narodov Prikam'ia: Vozrozhdenie i razvitie* [National Culture and Languages of the Peoples of the Kama Region: Revival and Development] (Iss. 3, pp. 66–69). Perm: Perm State University.
- Starikova, A. F. (2008). *Kul'tura pitaniia yaz'vinskikh permiakov* [Food Culture of the Yazvian Permians]. Perm: OT i DO.
- Zvereva, Ju. V. (2017). Otrazhenie khoziaistvennoi deiatel'nosti zhitelei Permskogo kraia v geograficheskikh nazvaniakh [Economic Activities of the Inhabitants of the Perm Territory as Reflected in Geographical Names]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Topical Issues of the Humanities and Socio-Economic Sciences] (pp. 99–106). Perm: Perm. voen. in-t voisk nats. gvardii.
- Zvereva, Ju. V. (2019). Mikrotoponimy permskogo proiskhozhdeniia na territorii Krasnovisherskogo i Yurlinskogo raionov Permskogo kraia [Microtoponyms of Permian Origin in the Krasnovishersky and Yurlinsky Districts of the Perm Region]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 4th International Conference] (pp. 133–136). Ekaterinburg: Ural University Press. <https://doi.org/10.31168/7996-2700-3.48>